

М.Б. Барклай де Толли в Калуге. Сентябрь 1812 г.

Личность М.Б. Барклая де Толли неизменно привлекает к себе внимание исследователей, но, несмотря на это, и сегодня изучение этой знаковой в истории Отечественной войны фигуры продолжает оставаться актуальным. Все новые и новые стороны биографии Барклая становятся предметом исследования историков, способствуя тем самым лучшему пониманию этой личности, получившей неоднозначную оценку современников и потомковⁱ. Данная работа посвящена одной из недостаточно изученных страниц жизни Барклая, связанной с прошлым Калужского края. Покинув в сентябре 1812 г. действующую армию, Барклай прибыл в Калугу, где, как принято считать, он был враждебно встречен местным населением. Калужане с криками «изменник!» забросали его камнями. «Калужская история» стала, в определенной степени, «визитной карточкой», иллюстрирующей отношения жителей России к полководцу. Этот сюжет, прочно закрепился в историографии, но, как и многие другие, требует особого рассмотрения.

Появление в Калуге Барклая было связано с оставлением им должности главнокомандующего 1-й Западной армией. Официально это объяснялось болезнью генерала, но на деле главной причиной послужили противоречия, возникшие между Барклаем и главнокомандующим армиями М.И. Кутузовым. Последний всячески стремился ограничить деятельность главнокомандующего 1-й армией в управлении войсками и ослабить его влияние в Главном штабе. Положение Барклая усугублялось нелюбезной оценкой его деятельности в обществе, где он назывался главным виновником отступления русских войск. После оставления Москвы и соединения 1-й и 2-й Западных армий под общим руководством Кутузова, глубоко уязвленный Барклай решил оставить войска. 19 сентября (здесь и далее даты приводятся по ст. ст.) 1812 г. он направил Кутузову рапорт с просьбой освободить его по болезни от исполнения должности главнокомандующего. 20 сентября Барклай повторил свой рапорт. Его прошения достигли цели, и 21 сентября Кутузов отдал соответствующий приказ. 22 сентября вечером генерал покинул расположенную в Тарутинской позиции армию и по почтовой дороге отправился в сторону Калугиⁱⁱ.

В первых биографиях Барклая, когда период, последовавший после оставления им Тарутинского лагеря, особо не рассматривался, мы не встречаем каких-либо упоминаний о «калужской истории». Описание случившегося в Калуге происшествия появляется в историографии лишь с начала XX в. Так, в 1912 г. дальний родственник Барклая Ф.П. Веймарн опубликовал в журнале «Русская старина» обстоятельную статью «Барклай де Толли и Отечественная война». В ней, в частности, говорилось следующее: «В Калуге Барклаю пришлось испытать чашу унижений. Брошенные толпою камни посыпались в его карету и раздались крики: "изменник!" Дальнейший путь на Владимир был крайне тяжел уже потому, что Барклай должен был соблюдать строгое инкогнито»ⁱⁱⁱ. В том же 1912 г. в книге «Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии» известный исследователь Калужского края Д.И. Малинин по этому поводу писал: «Как известно, в 20-х числах в Калугу прибыл бывший главнокомандующий Барклай де Толли, как это явствует из известного письма от 24 сентября Императору Александру. Калуга приняла его недружелюбно. Поддавшись общему против Барклая раздражению, калужане выбили стекла в его карете и кричали на всю улицу "изменник!" Только с помощью полиции мог выехать бывший министр»^{iv}. Впоследствии, с большими или меньшими подробностями, эта история пересказывалась в различных исследованиях, посвященных Барклаю или войне 1812 года. В последнее время ее можно встретить в монографиях Н.А. Троицкого «1812. Великий год России», В.П. Тотфалушина «М.Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 г.», А.Г. Тартаковского «Незагаданный Барклай»^v.

Отличная от всех интерпретация случившегося в Калуге происшествия была дана калужским краеведом В.Е. Продуновым в книге «Это моя Калуга». Он писал, что «24 сентября 1812 года (по ст. ст.) бывший главнокомандующий русской армией Барклай де Толли пишет императору Александру I письмо с жалобой на калужан. По его словам, в

городе его встретили враждебно, выкрикивали слово "предатель" и побили стекла в его карете. Уехать ему удалось только при помощи полиции»^{vi}. Известно, что 24 сентября 1812 г. из Калуги Барклай действительно направил на высочайшее имя письмо, которое начал писать еще 19 сентября. В этом письме генерал объяснял императору истинные причины оставления армии и высказывал свое мнение о деятельности Кутузова. Однако ни одним словом в нем Барклай не обмолвился о том, как он был встречен в Калуге^{vii}. Представленная Продуновым информация не что иное, как неправильно прочитанный текст Малинина, который он пересказал в искаженном виде.

Что касается «калужской истории», то в основе ее лежат воспоминания В.И. Левенштерна, служившего в 1812 г. адъютантом сначала при Барклае, а после его отъезда — при Кутузове. Свои мемуары Левенштерн писал в первой половине 1830-х годов. Впервые отрывки из них были опубликованы в «Северной пчеле» в 1854 г. В 1858 г. они были изданы за рубежом, в Гейдельберге. В 1865 г. в «Военном сборнике» появились воспоминания Левенштерна, записанные с его слов военным историком Ф.И. Смитом^{viii}. В последующее время мемуары Левенштерна неоднократно печатались в различных журналах, в том числе в 1900—1902 гг. в «Русской старине»^{ix}. По сути, мы имеем две, восходящие к Левенштерну, версии произошедших в Калуге событий, близкие по содержанию, но существенно отличающиеся в деталях. В первой, записанной со слов Левенштерна, говорилось, что «при проезде через Калугу» Барклай де Толли «подвергся поруганию от ослепленной и раздраженной черни, которая выбила стекла в его карете и редела на всю улицу: "Смотрите, вот изменник!" В дело должна была вмешаться полиция»^x. С другой стороны, сам Левенштерн в своих записках описывал этот эпизод несколько иначе: «Когда генерал Барклай проезжал через Калугу, то он увидел, что народ столпился возле его экипажа и стал бросать в него камнями. Желая впредь избежать подобного рода прискорбных сцен, он поехал далее до самого Петербурга под строжайшим инкогнито»^{xi}.

Свидетельство Левенштерна является единственным источником, в котором содержится упоминание о нападении на Барклая в Калуге. Важно отметить, что эта история не подтверждается какими-либо известными документами и не зафиксировалась в памяти калужан. Последнее заключение основывается на том, что до Мали-Нина исследователи края обходили молчанием эпизод столкновения Барклая с жителями Калуги (см. например, работы Г.К. Зельницко-го, В.В. Ханькова, Н.И. Бульчева, Н.П. Глухарева и И.Ф. Цветкова, В.И. Асонова и др.)^{xii}.

Анализируя воспоминания Левенштерна, следует помнить, что он не был с Барклаем в Калуге, а оставался в Тарутинском лагере при шпабе Кутузова. Поэтому сообщаемые им сведения основываются не на личных впечатлениях, а на информации, полученной сторонним путем. Тартаковский предполагал, что Левенштерн писал со слов сопровождавших Барклая лиц. Однако, передаваемые мемуаристом факты явно демонстрируют его неосведомленность в деталях описываемых событий. Так, Барклай из Калуги следовал не в Петербург, как отмечал Левенштерн, а во Владимир, откуда поехал в свое имение Бектоф Лифляндской губернии. Только в конце ноября 1812 г. он получил письмо императора и в декабре отправился в столицу.

Кроме того, в обоих случаях Левенштерн указывает, что Барклай был в Калуге проездом. Однако это противоречит документальным свидетельствам — письмам и рапортам, отправленным Барклаем из Калуги. Из них следует, что он не просто проехал через Калугу, а пробыл здесь несколько дней. Если Барклай оставил вечером 22 сентября Тарутинский лагерь, то он мог прибыть в город уже утром 23 сентября. 24 сентября из Калуги им было отправлено уже упомянутое выше письмо Александру I. На следующий день, 25 сентября, Барклай рассылает письма с прощальными словами благодарности корпусным командирам своей армии. Так, сохранились письма, адресованные командиру 4-го корпуса графу А. И. Остерману-Толстому, командиру 6-го корпуса Д.С. Дохтурову, также есть упоминание о получении такого письма командующим 5-м корпусом Н.И. Лавровым^{xiii}. В этот же день Барклай направляет Кутузову представление к награждению чиновников штаба 1-й Западной армии, отличившихся усердием в исполнении обязанностей и проявивших храбрость в Бородинском сражении, а также возвращает главнокомандующему армиями оставшиеся у него семь крестов ордена Святого Георгия 4-го класса^{xiv}. 26 сентября Барклай отправляет Кутузову рапорт с подробным описанием Бородинского сражения^{xv}. К нему были приложены ведомости о потерях в сражении и списки отличившихся, доставленные от корпусных командиров. Кроме того, Барклай ходатайствовал перед Кутузовым о награждении за отличие в Бородинском

сражении начальника штаба 1-й армии А.П. Ермолова орденом Св. Георгия 2-го класса и представлял к награждению чиновников своего штаба за участие в войне. 27 сентября Барклай продолжил переписку о награждении различных чиновников и сообщил управляющему Военным министерством князю А.И. Горчакову о судьбе состоящих при нем офицеров^{xvi}. Всего, учитывая выявленные источники и разницу исходящих номеров, Барклаем в Калуге с 24 по 27 сентября было подготовлено около 30 документов. Как видно, генерал, находившийся в городе, как минимум, четверо суток, занимался завершением не законченных после оставления должности главнокомандующего дел. Эта остановка в Калуге, безусловно, должна была быть известна сопровождавшим генерала лицам. В этой связи тем более абсурдным выглядит утверждение калужских краеведов, что Барклай смог выехать из города только с помощью полиции (в противном случае получается, что несколько дней калужане осыпали генерала камнями, пока не вмешалась полиция).

То, что Барклай путешествовал инкогнито, противоречит воспоминаниям И.И. Лажечникова, который, следуя из Коломны в Рязань, стал свидетелем появления генерала на почтовой станции. «Когда мы подходили к станционному дому, — пишет Лажечников, — возле него остановилась колясочка; она была откинута. В ней сидел — Барклай де Толли. Его сопровождал только один адъютант. При этом имени почти все, что было в деревне, составило тесный и многочисленный круг и обступило экипаж. Смутный ропот пробежал по толпе... Но ропот тотчас замолк: его мигом сдержал величавый, спокойный, холодный взор полководца. Не малейшая тень смущения или опасения не пробежала по лицу его. В этом взоре не было угрозы, ни гнева, ни укоризны, но в нем было то волшебное, неразгадываемое простыми смертными могущество, которым наделяет провидение своего избранника и которому невольно покоряются толпы, будучи сами не в состоянии дать отчета, чему они покоряются. Мне случалось последить, как этот холодный, спокойный, самоуверенный взгляд водил войска к победе, как он одушевлял их при отступлении (из-под Бауцена и окрестностей Парижа, когда мы в первый раз подходили к нему)»^{xvii}. Как видно, непосредственный очевидец события отмечает, что Барклай ехал не в карете, а в коляске. Но Лажечников не совсем точен в указании количества сопровождающих. По имеющимся данным при генерале был не один, а пять человек^{xviii}, правда, вполне допустимо, что Лажечников мог обратить внимание только на одного — находившегося рядом с Барклаем.

Сравнивая свидетельство очевидца, который наблюдал поведение Барклая среди возмущенной толпы, с данными Левенштерна, записанными с чьих-то слов и содержащими фактические ошибки, приходишь к заключению, что в руках исследователя нет веских оснований считать нападение калужан на генерала реальным событием. Этот вывод косвенно подтверждает и свидетельство А.А. Закревского, зафиксированное в его биографии Д.В. Друцким-Соколинским. Закревский, занимавший в 1812 г. должность директора особой канцелярии Барклая, сопровождал генерала от Тарутина до Бекгофа. Касаясь тех событий, он остановил внимание лишь на одном эпизоде, случившемся на почтовой станции во Владимирской губернии. «На этой станции, — писал со слов Закревского Друцкий-Соколинский, — вследствие ли праздничного дня, или подругой причине, народ был в сборе; когда узнали кто едет, толпа собралась вокруг станционного дома и послышались зловещие крики. Народ не хотел выпускать изменника, а собирался удержать его. К счастью лошади были уже запряжены; с саблей в руке Закревский проложил дорогу своему начальнику и заставил ямщика ехать»^{xix}. Таким образом, Закревский полностью игнорировал «калужскую историю» Левенштерна, хотя она была намного чувствительнее для достоинства и чести Барклая и окружавших его людей. Это обстоятельство заставляет предположить, что Закревский попросту не знал о ее существовании.

Вообще, изображенная Левенштерном картина, когда невежественный народ побивает камнями своего спасителя имеет ярко выраженный аллегорический смысл, восходящий к образам Нового Завета («Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе!» Евангелие от Матфея. Гл. 23, 37). Подобный образ использовал и сам Барклай, когда перед отъездом из армии говорил Л. Левенштерну: «Я передал фельдмаршалу (Кутузову. — В.Б.) армию сохраненную, хорошо одетую, вооруженную и недеморализованную. Это дает наибольшее право на признательность народа, который бросит теперь, может быть, в меня камень, но позже отдаст мне справедливость»^{xx}. Что касается места, то Калуга, возможно, была названа Левенштерном потому, что это был первый город, куда после оставления Тарутина вступил полководец.

Таким образом, можно сделать вывод, что история с забрасыванием в Калуге камнями экипажа Барклая основывается на одном источнике — воспоминаниях Левенштерна, надежность которых в данном вопросе весьма сомнительна. По свидетельству очевидцев, недовольный ропот толпы был единственным выражением неодобрения, которое сопровождало Барклая практически на всем протяжении пути. При этом наиболее опасное

положение, по словам Закревского, сложилось на почтовой станции во Владимирской губернии, когда собравшиеся жители от слов чуть не перешли к делу. Что касается Калуги, то письма, отправленные генералом из города, однозначно указывают, что он провел здесь не менее четырех суток. После этого Барклай де Толли продолжил свой путь, не скрывая, как свидетельствует Лажечников, свою личность от людей, следовательно, не предполагая даже, что кто-то осмелится нанести ему оскорбление, а уж тем более — бросить в него настоящий камень.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ⁱ См., напр.: *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай: Легенды и быль 1812г. М., 1996.
- ⁱⁱ М.И. Кутузов: Сб. документов. М., 1954. Т. IV, ч. I. С. 323-324, 331-332; *Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 144—145.
- ⁱⁱⁱ Рус. старина. 1912. №12. С. 648.
- ^{iv} *Малинин Д.И.* Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии. Калуга, 1992. С. 55.
- ^v *Троицкий Н.А.* 1812: Великий год России. М., 1988. С. 205; *Тотфалушии В.П.* М.Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812г. М., 1991. С. 116; *Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 114.
- ^{vi} *Продувное В.Е.* Это моя Калуга. Калуга, 2000. С. 289.
- ^{vii} Отечественная война 1812г.: Материалы Воен.-учен. архива. СПб., 1911. Т. 18. С. 118-122; *Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 144.
- ^{viii} *Тартаковский А.Г.* Указ. соч. С. 114.
- ^{ix} *Тартаковский А.Г.* 1812г. и русская мемуаристка: Опыт источниковед. изучения. М., 1980. С. 288.
- ^x Воен. сборник. 1865. №7. С.198.
- ^{xi} *Левенштерн В.И.* Записки генерала В.И. Левенштерна // Рус. старина. 1901. №1. С. 111.
- ^{xii} *Зельницкий Г.К.* Описание происшествий 1812 года, случившихся в пределах Калужской губернии. М., 1815; *Ханыков В.В.* Летопись калужская от отдаленных времен до 1841г. М., 1878; *Булычев Н.И.* Архивные сведения, касающиеся Отечественной войны 1812г. по Калужской губернии: Калуж. дворян. ополчение. Калуга, 1910; *Глухарев Н.П., Цветков И.Ф.* Отечественная война 1812 года в пределах Калужской губернии // Юбилейный сборник в память Отечественной войны 1812 г. Калуга, 1912. Вып.1. С. 11-133; *Ассонов В.И.* В тылу армии: Калуж. губерния в 1812г.: Обзор событий и сб. документов. Калуга, 1912.
- ^{xiii} *Тихонов И.С.* Документы о русских генералах // Эпоха 1812г.: Исследования. Источники. Историография. М., 2003. С. 201-203.
- ^{xiv} РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 1. Л. 15,18.
- ^{xv} Отечественная война 1812г.: Материалы Воен.-учен. архива. С. 134-138.
- ^{xvi} РГВИА. Ф. 103. Оп. 1/208а. Св. 0. Д. 1. Л. 23-25, 126, 135, 350. Ф. 29. Оп. 1/153а. Св. 22. Д. 3749. Л. 44. Архивные документы, написанные М.Б. Барклаем де Толли в Калуге, были выявлены и любезно предоставлены автору И.С. Тихоновым.
- ^{xvii} *Лажечников И.И.* Новобранец 1812г. // «России верные сыны...»: Отечественная война 1812г. в рус. лит. первой половины XIX в. Л., 1988. Т. 2. С. 224.
- ^{xviii} *Тартаковский А.Г.* Неразгаданный Барклай... С. 144.
- ^{xix} Сборник Императорского русского исторического общества СПб., 1890. Т. 73. С. V
- ^{xx} *Левенштерн В.И.* Указ. соч. С. Ю9.